

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

Мысли и замечания о театре и театральном искусстве

«Того актера можно назвать *совершенным*, которого поймет и не знающий языка (представляемой пьесы) по выразительности голоса, лица, телодвижений; даже глухой – по двум последним; даже слепой – по одному первому...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
Мысли и замечания о театре
и театральном искусстве

Того актера можно назвать *совершенным*, которого поймет и не знающий языка (представляемой пьесы) по выразительности голоса, лица, телодвижений; даже глухой – по двум последним; даже слепой – по одному первому.

* * *

Актер, в сильных драматических ролях, в двух случаях может играть хорошо: он должен быть или с пламенным воображением, с чрезмерно раздражительною чувствительностью, все увеличивающий, все принимающий близко к сердцу, приходящий в восторг от того, что другой едва примечает, – или внимательный только наблюдатель хода страстей человеческих и с хладнокровием, но верно им подражающий. В первом случае – талант, во втором – искусство; соединение их – составляет *совершенство*.

* * *

Почти каждый из славных актеров имел в игре *нечто свое*, самым гением ему внушенное и – неподражаемое. Без сомнения, надобно пользоваться сим средством, но не забывать меры; иначе оно обратится в порок.

* * *

Великая важность для актера – особенно же для того, кто не одарен отличными физическими средствами от природы – уметь сберечь себя (не охлаждая игры) для сильных мест своей роли. – Шушерин употреблял сей способ с совершенным успехом.

* * *

Редко случается, чтоб актеры, одаренные отличными средствами, талантом и блестящею наружностью, достигали великого искусства. Причина ощутительна и естественна: кто обижен от природы, тот старается (имея склонность к своему искусству и ум) вознаградить свои недостатки познаниями, точностию игры, прилежным разбором ролей, примерами, советами; а дарование, украшенное всеми выгодами наружности, бросаюсь в глаза полузнатокам, обольщая надеждами даже и образованных судей, исторгает громкие похвалы и, ослепя самолюбием актера, останавливает его на пути к совершенству. – Печальный пример тому был наш Яковлев!.. Яковлев, сотворенный природою со всеми возможными, великими душевными и

телесными средствами к достижению совершенства, Яковлев, предназначенный быть славою русского театра, красую знаменитых актеров образованной Европы – скажу смело, не выдерживал ни одной роли! *места* были чудесные, а *все* было дурно!.. Просвещенная русская публика имеет право горько жаловаться на неумеренных его почитателей, которые называли его *северным Леке-нем!*.. Дмитревский и Шушерин могут служить противоположными примерами, как искусство побеждает природные недостатки.

[1]

* * *

Есть весьма дурная привычка у актеров и актрис, впрочем и недурных: они на сцене стараются голос свой делать ненатуральным и в самых жарких местах своей роли смотрят в глаза зрителям; а последние, в самое это время, часто поправляют свои уборы, чем убивают очарование, и зритель не может забытья. От сего порока не изъяты и знаменитые актрисы: девица Жорж была ему подвержена.

* * *

Хорошо, если актер каждый раз сходит со сцены недовольный собою, несмотря на громкие рукоплескания.

* * *

Многие спорят о том: нужен ли напев при декламации стихов в трагедиях, или нет? – По моему мнению, *он необходим*, но должно употреблять его умеренно и *не везде*. В местах, где говорится без сильного волнения страстей, в торжественных речах к воинам, к народу, в описательных рассказах, в обращениях к божеству – напев должен быть. К чему сей великий труд писать стихами, если читать их, как прозу? И созвучное протяжение стихов не производит ли живейшего впечатления в сердце человеческом? – Скажут, что такое чтение *ненатурально*; но разве естественно говорить стихами, да еще и с рифмами? В изящных искусствах есть условная натуральность. Не есть ли трагедия возвышенное, необыкновенное зрелище? Но я весьма далек от того, чтоб согласиться на *распевание* трагедии, как то делали в Петербурге французские актеры и сама Жорж. Сие неумеренное распевание всегда вводилось славными

артистами; их таланты, огонь, чувства одушевляли напев и делали его привлекательным, а подражатели их, как и всегда бывает, подумали, что в нем-то и заключается вся тайна искусства. Впрочем, на французском языке, который не весьма благозвучен, напев может употребляться в большей степени, нежели на нашем.

* * *

Можно принять за аксиому, что покуда некоторая часть зрителей не будет состоять из истинных знатоков и покуда актеры не будут уважать их мнением более, нежели рукоплесканием множества, до тех пор и с дарованиями актеры – никогда не будут истинными артистами.

* * *

Талант – первое условие для успеха; хорошие средства[2] почти так же важны; но без образования, без трудов, без очищенного вкуса, получаемого *непрерывно в хорошем обществе*, – ничего еще не значит. К сожалению, важность, *необходимость* последнего не всегда уважается молодыми артистами; сие неуважение погубило и Яковлева.

Отчего, в продолжение нескольких лет, почти все дебютанты (в обеих столицах, особливо в Петербурге) первыми своими появлениями приводили в восторг простых зрителей и обольщали великими надеждами самих знатоков, а впоследствии времени делались несносными и для тех и для других? Между многими другими главнейшая тому причина (мне кажется) состоит в том, что обыкновенно дебютанты показываются в ролях сильных и всегда бывают кем-нибудь из хороших актеров или любителей театра *поставлены на свои дебюты с голоса*. Зрители с приятным изумлением видят, что неопытный актер, в первый раз выходящий на сцену в роле трудной, уже ее понимает; слабость в выражении чувств относят к несмелости их выказать, к непривычке им предаваться; игра вообще слаба, но нет грубых ошибок; за некоторые точно выраженные места, за трудность роли охотно прощают все дурное, приписывая его неопытности, застенчивости и пр. Не шутка показаться пред целую публику столицы!.. это даже некоторым образом льстит ее само-

люблю!.. Сей же актер является потом в роле не так важной; зрители не сомневаются, что он ее сыграет *очень хорошо*... Напротив!.. Увенчанный лаврами дебютант, уже оставленный собственному невежеству и даже получивший о себе высокое мнение, играет ее – *очень дурно!*.. Зрители изумляются, на первый раз прощают, но требуют, чтоб с продолжением времени прибавлялось его искусство... Нисколько; он играет день ото дня хуже. Все видят, что обманулись, и за свою ошибку отмщают ужасно; от сего жестокого мщения гаснет последняя искра дарования, и актер, с восхищением принятый публикою в Полинике, Эдипе и Магомете, сходит на роли наперсников, потом простых вестников и везде – делается посмешищем, предметом оскорбления неумолимых зрителей и – навсегда потерянным для искусства!

1825 года. Февраля 15-го,
Село Надежино.

Примечания

К удивлению моему, г-н Булгарин в прекрасном подарке своим любителям театра, в «Русской Талии», довольно мало и холодно сказал о Шушерине. Шушерин, без сомнения, должен стоять вторым после Дмитревского по своему искусству, тем более, что не имел способов образовать себя учением и примерами, как Дмитревский.

[^^^]

2

*...приводит два последние стиха VIII сатиры –
имеются в виду стихи: // «Благодарю творца,
что я в числе скотов! // Божусь, что человек
глупее нас, ослов!»*

[^^^]